

Валдайские записки

№ 105

Кризис политических войн XXI века

Грег Саймонс

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Август 2019

Об авторе

Грег Саймонс

Доцент Института исследований России и Евразии (IRES) Уппсальского университета, Швеция

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Введение

США и их союзники стремятся обеспечить себе максимальную свободу при реализации своих внешнеполитических целей, включая практику смены режимов, а для этого им потребовалось расширить пределы возможного, изменив то, как задумывались, воплощались на практике и разграничивались международные отношения. Для достижения этой тактической цели им потребовалось нивелировать идеи, заложенные несколько веков назад в основу Вестфальской системы международных отношений, поскольку они представляли собой преграду на пути избирательного применения силы в политике, экономике, дипломатии и военном деле против отдельных стран, режим которых было намечено сменить. И США далеко не одиноки в своём стремлении к этой цели, поскольку такую тактику применяют и другие страны. Однако они значительно уступают Вашингтону с точки зрения своей мощи и потенциала. США пока удаётся сохранять статус единственной мировой сверхдержавы, несмотря на достаточно убедительные попытки оспорить это господство.

Заявление о начале кризиса быстро и неизбежно провоцирует политическую мобилизацию с целью «урегулирования» ситуации. Констатация наличия кризиса в материальном мире позволяет проецировать в информационное пространство идею о необходимости принятия экстренных мер в свете чрезвычайных обстоятельств, тем самым задавая определённую модель восприятия и формируя реакцию аудитории на сконструированное средствами массовой информации (СМИ) событие. Это позволяет направлять в нужное русло связанные с кризисом информационные потоки. В практическом смысле в результате у жертвы ограничена свобода оперативного выбора, тогда как агрессор получает более широкие возможности в плане ведения политических войн.

Одним из новейших и наиболее удобных инструментов обхода правовых и этических норм в рамках Вестфальской системы применительно к политике смены режимов стал принцип «ответственности по защите» (Responsibility to Protect). При поверхностном рассмотрении может показаться, что за этим растяжимым понятием (или даже лозунгом) скрываются благие намерения. На самом деле его суть настолько туманна, что этот принцип можно применить в любой удобной ситуации, если «правильно» подать информацию и окружить событие туманной завесой за счёт пропаганды и подрывной деятельности. При таком раскладе можно убедительно отрицать свою причастность к подрывной деятельности и политическим войнам, при этом насаждая мысль о необходимости вторжения на «гуманитарных» основаниях, чтобы закрепить успехи, достигнутые на этапе скрытой (и с большой долей вероятности — незаконной с точки зрения международного права) деятельности.

Формирование общественного мнения и восприятия

В более широком смысле понятие информационной войны включает три области: материальный мир, информационную среду и когнитивную сферу¹. В ходе борьбы за политическое и военное влияние именно когнитивная сфера является главным объектом воздействия. Оно происходит посредством коммуникационной деятельности в информационной среде с целью создания необходимых условий для проведения военных операций и достижения внешнеполитических целей в материальном мире. Понимание «реальной ситуации» определяет эффективность боевых действий и политического курса. Информация нематериальна, так как существует и создаётся в информационной среде. Ей можно делиться и манипулировать, а это значит, что информация в новостной среде не всегда точно отражает реальную ситуацию. Речь идёт об обороте информации среди активных субъектов. Поскольку информационная среда является ареной конкурентной борьбы и вмешательства со стороны других субъектов, коммуникационная деятельность может быть как наступательной, так и оборонительной.

Цель заключается в том, чтобы получить информационное превосходство над противником в информационной среде. Восприятие, убеждения и ценности участников определяются когнитивной сферой. Там формируются смыслы и принимаются решения. Именно в этом измерении происходят реальные сражения, определяются победители и проигравшие на основании таких неосязаемых факторов, как лидерство, нравственность, сплочённость, уровень подготовки и опыт, осознание ситуации и состояние общественного мнения. Вся информация в этой сфере проходит через фильтр человеческого восприятия.

Внешняя политика и вооружённые конфликты подвергаются манипуляциям как никакая другая сфера человеческой деятельности. Нередко в этой связи применяется метод противопоставления противоположных по смыслу норм и ценностей, например, одна сторона представляет «добро», а другая – «зло». Это делается потому, что на фоне роста скептических настроений в обществе убедить население в необходимости следования

---

¹ Подробнее см. Гл. 2 в Alberts D.S., Garstka J.J., Hayes R.E., Signori D.A. *Understanding Information Age Warfare*. Washington DC: CCRP Publication Series. 2001.

каким-то конкретным национальным интересам или целям гораздо сложнее, чем мобилизовать людей с помощью якобы бескорыстных норм и ценностей «гуманитарного» характера. В этом контексте, а также учитывая современное состояние информационной среды и политики, СМИ формируют общественное мнение и восприятие. То, как журналисты трактуют то или иное событие, служит оружием войны. Господствующие либеральные СМИ не соответствуют роли независимого противовеса власти, как об этом писал Эдмунд Берк. Напротив, своим мессианским стремлением распространять «демократию» они скорее выступают в качестве инкубатора и рупора глобальной либеральной повестки.

Мнения и восприятия – это неосязаемые элементы, они существуют в виртуальном измерении и проявляются на психологическом уровне, поскольку их нельзя «пощупать». Тем не менее они могут влиять на реальный, материальный мир. Связующим звеном между виртуальным и реальным мирами выступают информация и знания. Реальный мир включает в себя такие элементы и составляющие, как география (социально-экономическая и естественная), климат, население, оборудование и другие материальные объекты, которые можно увидеть, пощупать и ощутить на физическом уровне. Что касается политики и в особенности таких сфер интенсивной политической активности, как внешняя политика и вооружённые конфликты, к неосязаемым факторам относятся вера в политическое и военное лидерство, степень готовности ответить на призыв лидера или действовать в соответствии с поставленными им целями.

Способность нарушить эту связь между осязаемым и виртуальным может обернуться политической войной, под которой понимается ведение политики путём принуждения. Соответственно, подрывную деятельность можно рассматривать как составляющую политической войны. Такая деятельность хорошо скоординирована и тщательно спланирована, она направлена на завоевание политической власти за счет принуждения и силы, при условии их применения в нужном месте в нужное время. Необходимо отметить, что политическая война – очень широкое понятие, включающее использование как явных, так и скрытых инструментов, нередко с применением коммуникационной завесы для маскировки реальных намерений. В качестве такой «завесы» можно использовать «гуманитарные» соображения, которые нередко становятся поводом для смены режимов.

Для предотвращения любых попыток оспорить или ослабить нарратив за счёт выдвижения альтернативной точки зрения используются различные тактики. Нередко можно наблюдать появление якобы «независимых»

организаций (чтобы создать видимость независимости от властей и тем самым обеспечить доверительное к ним отношение) для распространения соответствующего нарратива и противодействия любым несогласным, часто за счёт клеветы и очернительства. В качестве примеров можно привести *PropOrNot* («Пропаганда или нет?»; группа борцов с «российской пропагандой»), *Bellingcat* (интернет-издание, публикующее результаты журналистских расследований о зонах военных действий через анализ данных из открытых источников) и *Integrity Initiative* (британский государственный проект, занимающийся информационным противодействием России). Эти проекты находятся на передовой линии «борьбы с российской пропагандой», о чём сами иногда заявляют. При этом они сами активно вовлечены в пропагандистскую деятельность, поскольку препятствуют выражению в общественном пространстве отличных от них идей по некоторым ключевым вопросам.

Для достижения подрывных внешнеполитических целей посредством политических войн необходимо разрушить связи между элитой и народными массами, подорвать сплочённость элиты страны и тем самым затруднить процесс принятия решений и возможность реализовывать эффективные контрмеры. Одним из наиболее распространённых средств достижения этих целей в области международных отношений на современном этапе стало навязывание идеи о наличии кризисной ситуации, что предполагает и даёт возможность ввести чрезвычайные меры в силу якобы имеющих место чрезвычайных обстоятельств и таким образом выйти за рамки дипломатических норм и традиционных политических подходов.

Кризисы в международных отношениях

В первую очередь нужно понять, что понимается под термином «кризис». Разные люди и группы могут по-разному воспринимать это слово в силу различий их интересов и восприятия. Кроме того, бытует ложное представление, что кризис может представлять исключительно угрозу, хотя на самом деле кризис может открывать новые возможности для отдельных групп интересов. Как правило, под кризисом понимается чрезвычайное событие, нарушающее нормальный ход вещей и функционирование общества. В ходе чётко обозначенного и признанного кризиса затронутое им общество должно

«встать под знамёна» и выполнить свой «патриотический» долг, не задаваясь вопросом о мудрости и целесообразности не подлежащих оспариванию указаний по выходу из ситуации. Термин «кризис» часто используется в общественном пространстве, хотя остаётся неясным, что именно имеется в виду. Соответственно, заявивший о наличии кризиса субъект может определять психологическую среду в свете своих целей и задач.

Кризис в материальном пространстве всегда сопровождается кризисом информационным (с точки зрения количества и качества информации и коммуникаций). Как отметил в 1975 г. Джозеф Скэнлон, «в любом кризисе важна информационная составляющая [...]. Неспособность контролировать информационный кризис ведёт к неспособности контролировать ход кризиса, включая его непосредственные операционные аспекты». Природа и масштаб кризисных коммуникаций определяются триггерным событием, повлёкшим за собой кризис. Попытки осмыслить кризис исключительно в его материальном измерении отвлекает внимание от неосязаемых политических намерений инициатора кризиса, среди которых может быть и намерение возможного свержения иностранного правительства чужими руками или с использованием собственных вооружённых сил.

При реализации внешнеполитических целей в контексте мнимых кризисов применяется нормативный подход, в котором понятие «ответственности по защите» представляется в качестве глобальной нормы. В основе такого подхода лежит идея о том, что эпоха суверенитета постепенно уходит в прошлое и что необходимо показать на словах и на деле: государства больше не могут безнаказанно обращаться со своими гражданами по своему собственному усмотрению. Отмечалось, что понимание термина «суверенитет» ведущими государствами и организациями претерпело существенные изменения, повлияв на их действия. Кроме того, важно обратить внимание на то, что эта тема возникла почти сразу после окончания холодной войны, то есть разрушения биполярной системы международных отношений и становления США как единственной сверхдержавы. Таким образом, отсутствие сдержек и противовесов в международных делах привело к исчезновению многих существовавших ранее ограничений и сдерживающих факторов в поведении и подходах в сфере внешней политики.

Это сразу же сказалось на дискурсе о войнах и о военных вмешательствах. Учитывая общественные настроения и ситуацию, сформировавшуюся после терактов 11 сентября 2001 г., страны в своей внешнеполитической и военной деятельности больше не могут заявлять о наличии у них геополитических или геоэкономических целей. Вместо этого потребовалось разработать

альтернативный информационный подход. Сталкиваясь с необходимостью осуществления спорных внешнеполитических действий, например проведения крупных военных интервенций, страны Запада оправдывают их соображениями нравственности и заявляют об отсутствии у них корыстного интереса, подчёркивая, что они сражаются во благо других. С точки зрения риторики, принцип «ответственности по защите» используется в кризисных ситуациях с человеческими жертвами. Этот принцип применяется для мобилизации населения. С практической точки зрения, он направлен на достижение политического консенсуса применительно к неоднозначным внешнеполитическим действиям.

Внешняя политика и подрывная деятельность

Подрывная деятельность — мощное и известное испокон веков орудие власти, которое используется для свержения политических режимов за счёт психологического давления и (или) физической силы «внутренних» игроков (даже при поддержке внешних сил). Внешние субъекты могут принимать участие в подрывной деятельности против иностранного государства или поддерживать такие действия в силу своих идеологических или геополитических интересов. Американский консерватор и друг Рональда Рейгана Лоуренс Бейленсон в 1972 г. точно подметил один из недостатков внешнеполитических подходов и методов США времён холодной войны: «Мы ведём нашу политическую войну, опираясь на военную мощь, дипломатию, договоры и традиционную подрывную деятельность, то есть используя три с половиной средства против четырёх, имеющихся у противоположной стороны». Он добавил, что «с точки зрения общей стратегии, политическая война подобна обычной войне в том смысле, что в обоих случаях пассивная оборона является проигрышной стратегией». Таким образом, рекомендуется вести подрывную деятельность более агрессивно для достижения внешнеполитических целей, а также из соображений безопасности.

В использовании политических методов борьбы в целях подрыва позиций противника нет ничего нового — такая практика существует уже сотни лет. Однако теперь это можно делать гораздо более изощрённо и быстро за счёт постоянного совершенствования

информационно-коммуникационных технологий, необходимых для использования таких подходов. Можно, например, в этой связи сравнить события «цветных революций» и «арабской весны» с конфликтами в Косово и Ираке (2003)². В своей монографии «Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию» А.В. Манойло приводит множество примеров из недавнего прошлого о ведении политических войн для направления политических процессов в глобальном масштабе. Он прослеживает явные расхождения и противоречия в описании подрывной деятельности различными вовлечёнными сторонами. «В большинстве стран, во внутренние дела которых вмешиваются США в качестве «миротворцев», ставка делается на сотрудничество с политическими силами и режимами, которые в мире определяются как террористические и экстремистские». Как было уже неоднократно отмечено, налицо разница между честным (объективным) и могущественным (субъективным) посредником в контексте международных «кризисов».

Информационные войны XXI века: «арабская весна» на практике

С точки зрения природы и практики политических войн, уместно сравнение с «теорией политической относительности» в том плане, что в долгосрочной перспективе за каждым политическим действием следует равносильная ответная реакция. Обычно задача политической и информационной войны заключается в обретении власти, влияния и (или) богатства в ущерб стране-жертве и её иностранным сторонникам. В рамках подрывной деятельности и политических войн важным инструментом являются информационные войны и кризисы, поскольку они позволяют конструировать желаемую реальность в благоприятном для соответствующей стороны свете.

В качестве показательного примера можно привести события «арабской весны». Здесь мы имеем дело с развитой формой ведения

---

² Различие между этими конфликтами заключается не только в увеличении темпов ведения политической войны и военных действий, но и во всё большем использовании секретных военных операций. Это влияет на способность руководства страны-жертвы эффективно реагировать на такие действия, а также даёт возможность агрессору при необходимости заявить о своей непричастности.

политических и информационных войн с опорой на опыт «цветных революций». Чётко прослеживается стремление представить эти события как гуманитарный кризис, однако делается это не только с целью формирования общественного сознания и мнения об этих событиях, но и для того, чтобы определить ожидания в отношении дальнейшего развития ситуации и её конечной цели.

Использование понятия «арабская весна» не случайно. Если первое слово отражает регион, где эти события имели место, то использование слова «весна» имеет явно положительную окраску, поскольку ассоциируется со временем роста и расцвета. Это яркий пример того, как информационная среда может влиять на когнитивную сферу за счёт искажения реальности. Умышленно оптимистичный тон способствует формированию определённых ожиданий (положительного исхода событий). Нельзя не отметить, что в свете удручающих последствий для региона и всего мира с точки зрения государственного строительства и безопасности, ряд наблюдателей, в том числе из стран региона, назвали эти события «арабской зимой».

Использование бренда «арабской весны» в рамках политической войны призвано лишить руководство страны-жертвы возможности эффективно справляться с подрывной деятельностью внутри страны и извне. События в Тунисе и Египте показали действенность такой стратегии. В этих странах имелись внутренние проблемы: из-за тяжёлой экономической ситуации росло латентное недовольство среди населения (проблемы коррупции и безработицы), отсутствовали каналы открытого взаимодействия между элитой и массами. Не хватало только события, которое бы привело к началу конфликта (для Ливии это были события в Бенгази, а для Сирии – события в Дараа). Эти события освещались в СМИ избирательно, чтобы представить их исключительно как гуманитарный кризис. Например, в ходе переговоров в Женеве по Сирии под эгидой США предпочтение было отдано «оппозиционным» группировкам, тогда как в рамках Астанинского процесса США оказалось сложнее сохранять этот уклон, что объясняет переход инициативы к сирийскому правительству – вопреки недовольству со стороны Вашингтона. Неудивительно, что США теперь стремятся вернуться к Женевскому формату. Это создаёт условия, в которых сторонники подрывной деятельности могут выставить себя в качестве важных посредников по урегулированию конфликта, чтобы привести к власти своих протезе.

Испытать на практике принцип «ответственности по защите» позволил так называемый ливийский кризис, который был представлен как война ливийского правительства против собственного народа, в связи с чем «необходимо» международное вмешательство, чтобы в конечном

счёте заложить основы построения в стране либеральной демократии по западному образцу. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун попытался сплотить международное сообщество, выступив с эмоциональным призывом, в котором он обратился к ярким событиям прошлого, когда были нарушены установленные западные нормы и ценности. «После ужасных массовых убийств прошлых десятилетий, в ходе которых международное сообщество было обвинено в бездействии, в том числе геноцид в Сребренице, Руанде и Камбодже, после этих ужасных инцидентов мир сказал: никогда больше [...]. Международное сообщество должно быть единым в отношении этой меры»³.

Однако его эмоциональное воззвание нелогично и противоречит фактам. Мир, конечно, не хочет повторения упомянутых Генеральным секретарём геноцидов, а само упоминание таких примеров несёт в себе образы и ассоциации, основанные на исторически сложившейся трактовке этих событий. По мнению Пан Ги Муна, предотвратить эти трагедии можно было только за счёт вмешательства международного сообщества. Это заявление представляется спорным, поскольку и в Боснии, и в Руанде в момент происхождения массовых убийств международные контингенты уже находились на территории этих стран, но миротворцы ничего не сделали, чтобы воспрепятствовать происходящему. В случае с Камбоджей ситуацию спасло не «бескорыстное» вмешательство демократических стран, а вторжение коммунистического Вьетнама. Однако в то время любая попытка открыто оспорить столь искажённую трактовку трагических событий была бы воспринята как злостная клевета и оскорбление жертв этих преступлений. В итоге этот конфликт был представлен как гуманитарный кризис в чёрно-белых понятиях противостояния добра против зла, свободы против притеснений, демократии против авторитаризма, жизни против смерти.

В некоторых кругах эти события ознаменовали завершение формирования доктрины «ответственности по защите». Применение силы всегда приводит к серьёзным последствиям вне зависимости от того, как это пытаются подать тот или иной субъект. Именно фактор силы имел решающее значение в борьбе за власть в Ливии и определил исход политического противостояния. Соответственно, эта доктрина по определению представляется достаточно спорной. Допущенные в Ливии перегибы, в особенности выход за рамки мандата Совета Безопасности ООН, существенно затруднили применение концепции «ответственности по защите» в Сирии. Газета *The New York Times* открытым текстом заявила, что Ливия должна была стать образцом для будущих операций по смене режима. Однако в реальности

---

³ *UN Chief Defends Libya Air Strikes Against Doubters // Space War. 2011. March 22. URL: http://www.spacewar.com/reports/UN_chief_defends_Libya_air_strikes_against_doubters_999.html*

произошедшее в Ливии показало опасность злоупотреблений при применении этой концепции.

В результате доверие к принципу «ответственности по защите» – как норме и действенному инструменту – было подорвано. Ещё одним подтверждением его противоречивости стал доклад, подготовленный британским парламентом. В нём утверждалось, что власти приняли решение начать военные действия на основании ложной и недостоверной информации о кризисе в Ливии⁴. Это лишний раз показывает важность создания дымовой завесы вокруг принимаемых решений путём воздействия на восприятие и общественное мнение. В краткосрочной перспективе информационный ресурс может быть задействован для преодоления неблагоприятной ситуации в реальном мире путём распространения субъективных информационных сообщений с определённой трактовкой событий с учётом особенностей целевой аудитории, чтобы повлиять на восприятие и общественное мнение и тем самым заручиться поддержкой населения. При сохранении разрыва между реальным миром и информационной средой, в особенности в условиях снижения доверия населения к СМИ и политике, такая стратегия в конечном счёте несостоятельна. Введение общественности в заблуждение и попытки манипуляции общественным мнением могут обернуться отрицательными последствиями для господствующих политических сил и СМИ.

Всё же надолго закрепить ложную точку зрения в общественном пространстве практически невозможно из-за постепенного накопления множества неувязок, которые подрывают эффективность информационных войн и сводят на нет влияние на реальный мир, которое оказывается за счёт воздействия на когнитивную сферу посредством манипуляций в информационной среде. В качестве наглядного примера можно привести обнародование электронной переписки между Джоном Подестой и Хилари Клинтон. В одном из писем Подеста пишет, что «Аль-Каида» и США, по сути, были союзниками, преследующими одни цели в Сирии. В письме от 12 февраля 2012 г. сотрудник Государственного департамента США Джейкоб Салливан писал Хилари Клинтон, что ««Аль-Каида» на нашей стороне в Сирии»⁵. Так появились спорные по своей сути и лишённые смысла лозунги о «принуждении к демократии», будто «демократия» – это то, что должно быть навязано стране и её народу более сильным в военном отношении государством. Не говоря о том,

---

⁴ *Libya: Examination of Intervention and Collapse and the UK's Future Policy Options. HC 119. Third Report of the Session 2016–2017. House of Commons Foreign Affairs Committee. September 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaaff/119/119.pdf>,*

⁵ *US Department of State Case No. F-2014-20439, Doc No. C05789138. 2015. October 30.*

что США декларировали целью своего присутствия в Сирии борьбу с терроризмом, но на самом деле преследовали общие с террористами задачи.

США и их союзники позиционируют себя в качестве посредников применительно к урегулированию конфликтов «арабской весны». Но все равно становится очевидно, что вместо исполнения роли нейтрального посредника США пытаются активно влиять на ход событий, отдавая предпочтение определённым политическим силам и способствуя их приходу к власти. Несмотря на попытки выдать сирийский конфликт за «гражданскую войну», в августе 2012 г. разведывательное управление министерства обороны США чётко охарактеризовало происходящее в стране как «опосредованная война»⁶. Важно отметить, что, согласно проведённым исследованиям, навязанная извне смена режима обычно не приводит к улучшению отношений между вовлечёнными государствами.

Ведение политических и информационных войн по такой модели подразумевает, что у правительства и в целом у властей страны-жертвы должно возникнуть впечатление, что они не в состоянии справиться с происходящим и что общественное мнение настроено решительно. В этих условиях может произойти смена мнений и восприятий, вызывая эффект «присоединения к большинству», то есть — к победителю. Так развивались события в ходе Сербской революции 2000 г. и во время «революции роз» в Грузии. Но если правительству и руководству страны удалось устоять, необходимо повысить ставки и давление. В качестве хорошего примера можно привести Ливию, где ожидания от «арабской весны» не реализовались, что привело к попыткам спровоцировать раскол внутри элиты посредством санкций, переманивая ключевых персон на сторону «повстанцев» щедрыми выплатами и нападениями на дома наиболее значимых деятелей, чтобы расколоть элиту и тем самым лишить её способности эффективно сопротивляться.

Кроме того, налаживание прямых каналов общения с широкими массами населения ограничивает возможности проводников подрывной деятельности по распространению своей точки зрения и борьбе за «сердца и умы» населения. Такую ситуацию можно наблюдать в настоящее время в Сирии, где появления президента Башара Асада на публике, вопреки чрезвычайно высоким рискам в плане безопасности, показывает, что он соперничает своим согражданам и остаётся лидером страны. Чем дольше длятся конфликты такого рода, тем острее встаёт вопрос о сложности дальнейшего поддержания внешнего обманчивого

---

⁶ Defence Intelligence Agency (DIA). *Information report, 14-L-0552/DIA/287. August 2012.*

фасада, который в глазах общественности становится всё более неправдоподобным. Это относится, в частности, к проблеме присутствия на территории Сирии иностранных войск (например, США), несмотря на заявления о необходимости соблюдения суверенитета и норм международного права. В этом отношении показательна реакция основных политических сил и СМИ на заявления президента Дональда Трампа в декабре 2018 г. о завершении незаконного присутствия американских войск в Сирии. Политики и журналисты всех течений от неоконсерваторов до либералов стали решительно осуждать идею вывода войск, что стало очередным подтверждением выполнения лидирующими СМИ роли орудия войны и слепого следования «либеральным» ценностям.

При этом существуют общественные пространства, где мы можем наблюдать проявления гибридной войны по продвижению в широких слоях населения заданной точки зрения, чтобы убедить общественное мнение в «правильности» ведения подрывной деятельности в контексте международных кризисов. В качестве примера можно привести ретроспективный анализ кризисов глобального масштаба: «арабской весны» (другим примером может выступить война 2003 г. в Ираке). Под этими брэндами впоследствии появляются аналитические и критические статьи, особенно в тех случаях, когда навязанный общественному мнению сценарий так и не реализовался. Появление таких материалов часто совпадает с годовщинами анализируемых ими событий. Наглядным примером стала статья, появившаяся в конце 2017 г. в *Huffington Post*. В ней приведён прекрасный анализ политики конструирования общественного мнения за счёт искажения реальных событий. В этой статье осуществляется деконструкция информационного пространства с целью выявления реальных, а не виртуальных событий и того, как это повлияло на ситуацию.

В действительности «арабская весна» никогда не была народным демократическим восстанием, как это пытались доказать западные власти и СМИ. На самом деле, «арабская весна» имела мало общего с демократией, хотя в ней, несомненно, участвовали некоторые либерально-демократические группы общества. Фактически это было реакционное движение консервативных, религиозных и исламистских элементов против светских режимов арабского мира⁷.

Описанные выше процессы, связанные с ролью возникновения кризисов в информационной среде и подрывом действующего

---

⁷ Micallef J.V. *The Arab Spring: Six Years Later* // *Huffington Post*. 2017. January 29. URL: https://www.huffingtonpost.com/joseph-v-micallef/the-arab-spring-six-years_b_14461896.html?guccounter=1

правительства, можно проследить не только на примере арабских стран, о которых речь шла в этой статье, но и на примере событий в Венесуэле, где наши выводы вновь подтверждаются. США и их союзники ввели экономические санкции против этой страны не для того, чтобы наказать её руководство за якобы имевшие место многочисленные нарушения, а чтобы добиться ещё большего ослабления экономики и спровоцировать рост недовольства властями среди населения. Это привело к глубокому экономическому кризису, и, чтобы создать условия для смены режима, он был представлен внешними силами как «гуманитарный кризис». Несмотря на то, что внешние силы сыграли значительную роль в сложившейся ситуации, они возложили всю ответственность на правительство Венесуэлы. Наличие кризисной ситуации открывает путь к принятию чрезвычайных мер, например, признанию Хуана Гуайдо в качестве «легитимного» президента. Для того, чтобы это выглядело законным, нужно постоянно твердить об этом в СМИ. При этом никто не обращает внимания на тот очевидный факт, что Гуайдо никогда не участвовал в президентских выборах, а значит не соответствует основополагающему требованию для вступления в такую должность.

Таким образом, на современном этапе для смены режима необходимо наличие двух условий: ухудшение экономической ситуации в стране и наличие поддержки со стороны США и их союзников. Однако необходимо также создать ещё две необходимые предпосылки. В частности, нужно сделать невозможным прямое общение между президентом Николасом Мадуро и народом Венесуэлы за счёт избирательного продвижения в основных СМИ таких оппозиционеров, как Гуайдо, дезертиров и других элементов, выступающих против режима Мадуро, создавая впечатление, что они отражают настроения большей части населения. Достичь такой цели в Венесуэле достаточно сложно, поскольку Мадуро всё ещё пользуется поддержкой армии, правительства и большинства граждан. Поэтому отрезать его от населения невозможно, как и разрушить позитивные отношения между ними, а это значит, что не получится и изолировать правительство страны от общественности. Не хватает также «судьбоносного события», которое разгневало бы общество и привело к реальным столкновениям, как это было на площади Тахрир в Египте, в Дараа в Сирии или в ливийском Бенгази. Оппозиция действует недостаточно активно, находясь внутри страны в относительной изоляции, что, однако, не мешает попыткам СМИ нагнетать ситуацию, сообщая о «спонтанных» протестных выступлениях, что, как предполагается, должно спровоцировать беспрецедентно жестокую реакцию со стороны сил правопорядка по отношению к ним.

 [ValdaiClubRu](#)
 [ValdaiClubRu](#)
 t.me/valdaiclub
 [ValdaiClub](#)
 [valdaiclubcom](#)
valdai@valdaiclub.com